

(00:03:54) (Начало записи)

Эдуард Бояков: Здравствуйте. Приветствую участников и гостей Московского экономического форума. Мы начинаем нашу встречу, которая посвящена теме культурной политики. «Мягкая сила для воссоединения народов» — такое название для нашей дискуссии мы согласовали с организаторами форума. Мне представляется очень интересной и тема, и компания, которая у нас сегодня собралась. Я представлю участников нашей дискуссии. Оговорюсь, что нас семь человек, и у каждого есть по восемь минут для того, чтобы поговорить. Мы зайдем таким образом час, а через час у нас еще будет полчаса на разговор, на дискуссии, на обмен мнениями, репликами с вами, уважаемые зрители, и, может быть, кто-то онлайн нам тоже задаст вопросы.

(00:05:00)

Итак, я представляю участников нашей встречи:

- Сергей Мардан, журналист, телеведущий;
- Александр фон Бисмарк, общественный деятель, основатель российско-германского общественного проекта «Бисмарк-диалог»;
- Каринэ Геворгян, российский политолог, востоковед, иранист, лингвист, переводчик;
- Игорь Караулов, писатель, поэт, публицист, переводчик, лауреат Григорьевской премии, участник Венецианской биеннале искусств;
- Сергей Волобуев, заместитель генерального директора ICS Consulting, старший научный сотрудник Института Наследия имени Дмитрия Лихачева;
- Иван Карпушкин, технокультуролог, сооснователь клуба «Наследие XXI»;
- ваш покорный слуга, Эдуард Бояков, продюсер, режиссер, художественный руководитель Театра на Малой Ордынке.

Начнем наш разговор. Мне кажется, многое уже понятно и из заявленной темы, поэтому, пожалуйста, Сергей.

Сергей Мардан: Всем здравствуйте. Я понимаю, что в рамках данной панельной дискуссии культура используется в общепринятом смысле, который я называю «виды искусства». Несмотря на то, что я хотел бы говорить о культуре как о понятии более широком, коснусь, естественно, и того изобретения, сделанного советской властью 100 лет назад, когда дома культуры и появились.

В моем представлении культура — это способ жизни на данной территории. Он вмещает массу вещей: как мы знакомимся, как мы ругаемся, как мы женимся, как мы крестим детей, как мы прощаемся со своими мертвецами, как мы едим и так далее, — все это культура. Поэтому, говоря о русской национальной культуре, мне кажется, важно понимать, что мы имеем в виду прежде всего культуру больших городов. Мы точно не сводим ее к каким-то отчетливым этническим элементам, хотя это культура русская, конечно же.

Понимая все эти вещи, возникает невольно вопрос. А где вся одобряемая на государственном уровне риторика про многонациональный и многоконфессиональный народ Российской Федерации? Для чего все эти этнические, межнациональные, диаспоральные праздники и так далее? Что нас связывает с национальной политикой СССР, которая тоже незримо витает всякий раз, когда об этом заходит разговор?

Что еще вспоминается всегда, когда заходит разговор о полностью дискредитировавшем себя понятии как мягкая сила, возникает вопрос Украины, хотя не только. Война на Украине — это, с моей точки зрения, крайнее выражение, начиная от распада страны (это база) и заканчивая полным отсутствием осмысленной политики на бывшем советском пространстве, полного непонимания понятия национальных интересов, что такое «русский мир». Понятие вроде как есть, термин существует — «русский мир». Правда, изобрели его всего лишь в 2014 году, но с тех пор за 12 лет так и не потрудились наполнить каким-то смыслом.

Говоря о провале русской мягкой силы и об отсутствии всякой культурной политики на территории прежде всего бывшего Советского Союза, нужно помнить, что абсолютно схожие, практически идентичные процессы происходили и в Белоруссии (вы не поверите), и в Закавказье, и в Средней Азии, да и в Прибалтике тоже.

А почему мы должны принять довольно нелепый факт, что русская Прибалтика, за которую 500 лет лилась русская кровь, вдруг стала независимыми прибалтийскими государствами, и это некая аксиома, с которой нам предложено смириться? Нам не надо с этим мириться, хотя бы исходя из того факта, что две недели бомбят Ленинградскую область с территории этих самых прибалтийских государств. Мне просто интересно, чем это закончится, но это не тема сегодняшнего разговора.

(00:10:19)

Это касается и Латвии, и Литвы, и Эстонии. А там была какая-то культурная политика? Там есть некое русское культурное влияние? Там есть русская мягкая сила? Есть. Вы не поверите, она есть везде. Любой, кто ездил, допустим, в Юрмалу в 2014, 2015, 2020 году до СВО, не даст мне соврать, что это мегакомфортное место. Приезжаешь — все говорят по-русски. Ощущение, что ты где-то на Рублевке. И в Ригу приезжаешь — что-то похожее на Питер, только обшарпанный, бедный, нищий, но Питер. Некоторые пытаются говорить на латышском языке, но их воспринимаешь как умалишенных, потому что там любой кассир в супермаркете говорит тебе на русском как на родном языке. И ни у кого там ни тени не мелькало, что приехал «русский оккупант».

Я это к чему? Присутствие русского языка и русской культуры, как мы ее обычно описываем, как Пушкина, Толстого, Достоевского, Айвазовского, Левитана и так далее, это все как было, так и есть, оно никуда не делось. А мягкой силы никогда там не было.

Почему? Потому что культурное влияние — это навязывание своего образа жизни, прежде всего, и этого не было никогда. Меня многое связывает с советской Украиной (оговорюсь,

советской), но, приезжая туда после 1991 года, и сейчас, мне кажется, надо это проговорить, я в середине 2000-х встречал провинциальную зависть «москвичи приехали», но никакого чувства или комплекса неполноценности у элит постсоветской Украины не было никогда. Никогда не было. Они не чувствовали себя хуже, они не чувствовали, что жизнь в Киеве принципиально является менее престижной, чем жизнь в Москве. А это неправильно.

Как устроена система приоритетов в головах рандомных представителей элит, опять-таки, российских, украинских, белорусских, азербайджанских, армянских, каких угодно? Назовите пять городов, пять крутых городов. Что они назовут? Наверное, это будет Лондон, Нью-Йорк, Париж — какие-то подобные стереотипы. Будет ли в этом списке Москва? Я предположил бы на 90%, что нет.

Это не связано ни с какой русофобией. Это совершенно не связано с войной. Это связано с тем, что, измеряя по индикатору престижности образа жизни, формируемого на данной территории данным народом, данной политической нацией, мы находимся по-прежнему внизу.

Кто в этом виноват? Мы сами, прежде всего. Мы сами в этом виноваты. Это мы никогда не чувствовали себя представителями великой имперской культуры. Я прекрасно помню 1990-е, 2000-е и 2010-е годы, когда ты приезжаешь, и у тебя подсознательно мысль: «Меня же не должны там принимать за совка. Я же должен сливаться с этой европейской толпой. Я же европеец». Да какого черта?

Мне кажется, ровно в тот момент, когда мы, с ровным, глубоко осознанным чувством превосходства будем думать про себя, про то, что Россия — это пуп земли, и про то, что Москва — это лучшая имперская столица планеты или хотя бы Евразии, до этого момента никакого культурного доминирования нет и быть не может, и любые разговоры про мягкую силу — это пустые разговоры. Спасибо.

(00:15:20)

Эдуард Бояков: Спасибо, дорогой Сергей. Спасибо за яркое и полемическое начало нашего разговора. Александр фон Бисмарк, просим вас.

Александр фон Бисмарк: Большое спасибо, ведущий, за то, что меня пригласили на эту сессию с возможностью обратиться к россиянам. Как я уже говорил и ранее, очень трудно говорить эмоционально на чужом языке, поэтому я попытаюсь изложить на английском все, что я хотел сказать.

Вопрос о культурной политике в качестве мягкой силы для воссоединения народов, как сказано было в начале. Культурная политика как мягкая сила может помочь конфликтующим странам прийти к соглашению очень быстро. Люди должны снова вернуться к тем временам, когда они были в объятиях друг друга. Очень трудно говорить друг с другом эмоционально на уровне властей. Лучше начинать мирные конференции с

музыки. Людям становится легче, когда конфликты оканчиваются, они снова могут радоваться жизни.

Культурная политика эмоциональна. Это политика, определяющая культуру, спорт, литературу и так далее. Все это должно быть похожим. Это случай, например, который мы видим в ситуации с народами России и Украины. Они говорят практически на одном языке, хорошо могут общаться друг с другом — гораздо лучше, чем представители других европейских стран, — у них те же самые религиозные убеждения, масса браков, много друзей между двумя народами, и поэтому необходимо закончить конфликт как можно скорее.

В отличие от науки и от исторической аналитики, я исхожу из позиции реальной политики. Я предполагаю, что объединение двух народов этих стран очень быстро окажет положительное воздействие. Политики или политические власти будут сталкиваться с большими проблемами, чем сами народы.

Как бизнесмен я вижу многие вещи через совершенно другие очки. Я смотрю всегда вперед, а не назад. Очень важно, чтобы люди лично встречались вновь и вновь и делились совместным опытом. Например, в кинотеатрах, в театрах, в диско-клубах, обедая вместе, выпивая, обнимая друг друга. Все это относится и к немецкому, и к российскому народам. Нам необходима культурная политика в качестве мягкой силы.

С другой стороны, экономика всегда улучшается, когда политики достигают согласия. Мы обычно недооцениваем эмоции, которые остаются на заднем плане. Эти эмоции, которые проявляются во время личных встреч. Но то, что связывает всех нас, — это музыка. Я вспоминаю сам, я много путешествовал по миру с дирижером Юстусом Францем — это оркестр «Филармонии наций». Причем в оркестр входили музыканты из 40 стран, в том числе из Восточной Европы, Англии, Венгрии, Белоруссии, Польши, России и так далее.

Они все говорили на одном и том же языке — языке музыки, — и они создавали гармонию музыки. Звучало фантастически. Аудитория вспыхивала эмоциями, слезы лились у слушателей. Это чистая мягкая сила. Это уровень, который очень быстро сближает людей. Люди просыпаются к наслаждению красотой и миром, у них открываются сердца. Личные противопоставления стали совершенно другими.

(00:20:15)

Культура может достичь большего, чем политика. Нам нужно больше культуры в качестве мягкой силы для народов, с тем чтобы они могли лично встречаться. Россия может сделать большой шаг вперед, понемногу вводя безвизовые путешествия для немцев. Китай это уже делает на 40 дней. У России масса объектов культуры и истории: дворцы, музеи, концертные залы, — которые будут представлять огромный интерес для немцев. Откройте свою землю для туристов с тем, чтобы люди могли свободно встречаться друг с другом. Наши гражданские общества должны продолжать встречаться.

Например, в Германии правительство отменило диалог, но я заменил его своим «Бисмарк-диалогом». Российско-немецкое общество, его сопредседатели тоже здесь находятся. Жив и Российско-немецкий форум. Нам нужно много символов дружбы. Народная дипломатия, естественно, должна быть на высоте. Нельзя позволять официальной дипломатии отрывать нас друг от друга. Что особенно важно, фон Бисмарк говорил: «Те, кто хотят вечного мира, должны учитывать интересы других».

Мне хотелось бы привлечь ваше внимание к весьма важному молодежному фестивалю, который Россия организует на форуме, «Сближайтесь в будущее». В наше время, в наш век мы должны все больше поддерживать молодых людей и поддерживать их больше, чем когда-либо раньше. Перед ними вся жизнь, перед ними их будущее. Поэтому очень важно, чтобы наши дети положили начало следующим поколениям. Благодарю за внимание.

Эдуард Бояков: Спасибо большое. Спасибо, Александр. Спасибо за эти слова. Мы коснулись международного контекста, и, передавая слово Карине Геворгян — с одной стороны, политологу, иранисту (это качество по понятным причинам сегодня оказывается особенно востребованным), а с другой стороны, тонкому и очень внимательному специалисту по нашей сегодняшней культурной реальности. Пожалуйста, Карина.

Каринэ Геворгян: С Ирана и начнем. Начну я со стихов Саади, причем прочитаю их на персидском языке. Надеюсь, что вы не будете на меня сердиться. И потом я объясню, почему это актуально, потому что это имеет отношение к сегодняшнему нашему разговору.

بنی آدم اعضای یکدیگرند
که در آفرینش ز یک گوهرند
چو عضوی به درد آورد روزگار
دگر عضوها را نماند قرار
تو کز محنت دیگران بی غمی
نشاید که نامت نهند آدمی

Эти слова начертаны над входом в здание Организации Объединенных Наций. И я прочитаю вам перевод, чтобы вам было понятно, и почему так произошло:

«Все племя Адамово — тело одно,
Из праха единого сотворено.
Коль тела одна только ранена часть,
То телу всему в трепетание впасть.
Над горем людским ты не плакал вовек,—
Так скажут ли люди, что ты человек?»

Я считаю, что идея воссоединения народов в нынешних обстоятельствах, когда идет разбрасывание камней, — это донкихотство. Потому что на самом деле человечество едино, это одна семья, от одной пары произошедшая, и ссорится человечество, как это бывает в одной семье, и очень страшно.

(00:25:19)

Сейчас наступил такой момент, когда мы видим, как величайшую цивилизацию иранскую, причем существующую в континууме 2.5 тысяч лет, пытаются представить как нечто ужасное, фанатическое и угрожающее человечеству. При этом обещают вбомбить ее в каменный век, устроить ей ад и так далее. Полная неадекватность.

Последние 40 лет вся информация, которая шла об Иране, не соответствовала действительности. Положительной было очень мало, практически не было, и занимались этим только специалисты. Мало кто знает, какое огромное влияние иранская цивилизация, например, оказала на китайскую. Но это так. Меньшее влияние китайской на иранскую — очень маленькое, можно сказать, к нулю. Но это отдельная тема, это можно обсуждать.

Знают ли в России иранскую цивилизацию? Нет, путают Иран с Ираком. Как специалист просто разводишь руками и не знаешь, что говорить. Это как Россию перепутать с Африкой. Условно, вместо России сказать «Африка» и сказать, что это одно и то же. Просто не знать отличий между Россией и Африкой, например.

Поэтому я считаю, что в ситуации, в которой мы живем, мягкая сила не поможет. Здесь даже запреты помогают больше, потому что запретный плод сладок, как известно. И запрет на русскую культуру, я считаю, в Европе среди европейских цивилизаций, подвергшихся чудовищной трансформации... Потому что о «священных камнях Европы» плачем мы здесь, в России. «Священные камни Европы», я напомним, — это выражение Достоевского. Мы поливаем их слезами. Сами европейцы в пыль стирают эти камни.

Мы боремся сейчас за европейские цивилизации хотя бы в плане культурном. Я напомним, что у нас даже во время Великой Отечественной войны, казалось бы, при всем раздражении в адрес немцев, никто не отменял немецкую культуру, и музыка звучала великих немецких композиторов. Мы такие. Россия такая.

Единственное, что я могу сказать, что надо сделать. А кому надо? Кто будет субъектом этого делания? Это самый главный вопрос. Нести культурный свет людям, которые еще не знакомы с нами, с Россией.

А кто должен это делать, и на какие средства? Для того, чтобы нам даже в дружественную страну театр отправить, вы же понимаете: декорации, костюмы, страховки, билеты, пребывание — это все понятно. Кто будет это делать? Министерство культуры? Оно этой бухгалтерией пусть и занимается. Когда оно пытается заниматься культурной политикой, то я, человек старорежимный — поверьте мне, спасибо среде, которая меня воспитала, родителям и так далее, у меня избалованность с точки зрения мастерской работы в искусстве — просто не знаю, что сказать.

Ладно, это было бы непристойно, но сделать непристойное художественным очень трудно, почти невозможно. Произведений в мировой культуре непристойных, но художественных — раз-два и обчелся. А наше Министерство культуры до сих пор увлекается каким-то замшелым постмодернизмом с его принципом деконструкции, используя этот метод в искусстве. Вот единственное, что мы видим, что поощряется именно это, за это и премии дают.

(00:30:26)

Нужны комиссары. Нужен статус этих комиссаров. У большевиков было это. Почему бы не взять этот опыт? У них были эти комиссары. Я читала незадолго до этого форума дневники Александра Бенуа, известного художника и искусствоведа. Он вообще был монархистом. Какие большевики? Понятное дело. Человек очень умный, уехал в эмиграцию в 1918 году, и дневник от 1916 по 1918 год. Он описывает, что творилось в Петербурге, — а он инспектор дворцов и ценностей, которые в них хранятся, — после Февральской революции. Это кошмар. Октябрь-ноябрь, приходят большевики, Луначарский. И этот человек, который вообще за царя-батюшку и так далее, отмечает, что у этих хотя бы появляется хоть какая-то организация, порядок и ответственность. Совершенно не симпатизант этих большевиков. Давайте как-то посмотрим.

И еще, в 1920-е годы русский авангард — это ведь Советский Союз, и это мода, которая распространилась на весь мир, и никому мы ее как мягкую силу не навязывали. Просто все с нас брали пример. Это то, о чем говорил Сергей сегодня. Желание нравиться — это добродетель, это уважение к контрагенту. Но желание лебезить и показывать, что ты вторичен по отношению к этому контрагенту, — это неуважение к нему же. Не случайно Поль Валери говорил о том, что если кто-то лижет тебе сапог, поскорее придави его каблуком, пока он тебя не укусил.

Нам не надо никому нравиться. Русская цивилизация и мы государство-цивилизация — нам пора действительно осознать. Я возвращаюсь к этой же мысли. Но то, что нам начальство: ни Администрация президента, ни Министерство культуры — никаких комиссаров не предоставит, а весь этот фестивальный жанр, который провалил не только культурную, но и всю политику на постсоветском пространстве, мы с вами пожинаем и полными половниками черпаем сейчас и еще больше будем черпать. Но я дальше должна буду перейти в сферу мезо- и макрополитики, а я этого делать не буду. Спасибо большое. Я и так перебрала две минуты. Спасибо.

Эдуард Бояков: Спасибо, Каринэ. Игорь Караулов — переводчик, публицист, но лично для меня очень важно его качество одного из главных современных русских поэтов.

Игорь Караулов: Здравствуйте, товарищи. Я очень рад, что сегодня здесь собралось так много людей, которые интересуются культурой. Все-таки форум экономический, а культура хоть и тоже местами экономика, но довольно маленькая. Вместе с тем наше большое

счастье, что среди людей экономики есть те, кто интересуется культурой. Это нашу культуру поддерживают. Очень надеюсь, что эта поддержка как-то будет развиваться.

Когда я взглянул на тему нашего сегодняшнего заседания, я уцепился за слово «народов». Запоминается же последнее слово, как говорится. Мягкая сила. Про мягкую силу, как уже было сказано, говорили очень много. Эта мягкая сила разбивается о какие-то очень жесткие вещи, которые сейчас делаются в мире. Народов у нас много. Россия — многонациональная страна, где больше 80% русских, но, тем не менее, страна многонациональная. У нас принято говорить, что в многонациональности наша сила. Многие в этом сомневаются и хотели бы, чтобы у нас была в культурном смысле более монолитная страна. Но на самом деле это суждение восходит к старинному девизу «единство в многообразии».

(00:35:29)

В чем здесь рациональное зерно? В том, что многообразие создает некую разницу потенциалов. У нас огромная страна и многообразная в природном смысле, и мы сейчас только начинаем ее постигать — развивается внутренний туризм в последние годы. А это не только развлечение для людей, это еще и познание, познание собственной страны.

Познание многообразной культуры нашей страны — это тоже вещь, скрепляющая страну. Потому что разница, различие — это не только фактор отталкивания, но и фактор притягивания и интереса. Мы интересуемся друг другом, нам интересно, как живут в этом регионе, в этом, в этом. Торговля между народами тоже с этого началась: «У вас есть то, чего нет у нас, а у нас есть то, чего нет у вас».

Сейчас я вижу перспективу нашей культуры, перспективу нашего культурного самоутверждения именно в региональных историях, в этнических историях, которые нам нужно вытаскивать на общенациональный уровень, а дальше и на международный уровень. Мне кажется, что в том числе и местная администрация, и местный бизнес должны быть заинтересованы в том, чтобы продвинуть свой регион, свой народ и показать все богатство нашего культурного разнообразия и стране, и миру.

Здесь можно приводить самые разные примеры. Допустим, каждый народ исторически сам организовывал свои взаимоотношения с природой. Природа разная, соответственно, образ жизни разный. Я за последние годы пару раз выступал в Якутии и совершенно поражаюсь этому народу, который сделал совершенно невозможное.

Когда я выступал в Якутске, я говорил, что если первый человек когда-нибудь ступит на Марс, это должен быть якут, потому что перепады температур, что в Якутии, что на Марсе примерно одинаковые. Но для того чтобы тех же якутов мир осознал как учителей человечества, нам нужно эту сокровищницу освоить.

В последнее время я пишу иногда рецензии на сериалы. Мне попался, например, очень интересный документальный сериал «Декоративно-прикладное искусство», где

достаточно много серий, и где показано все это разнообразие культур. Это прекрасная совершенно вещь — это один подход.

Другой подход — выходит сейчас еще один сериал про молодых писателей, где все это построено по региональному принципу. Вот перед нами писательница из Нижнего Новгорода, она рассказывает, как живет этот город на Волге, как живет этот регион. Вот молодой писатель из Дагестана, и мы видим, как в его творчестве преломляется региональная культура.

В моем представлении мы должны предстать перед миром именно как хранители множества не просто разнообразных культур, а разнообразных способов взаимодействия с нашим миром, разнообразных способов осознания себя в нашем мире. Потому что и нам есть друг у друга чему поучиться, и когда мир будет нас так воспринимать, наша мягкая сила будет гораздо более весомой. У нас солидный пакет акций в мировой культуре.

(00:40:00)

Мне кажется, что именно таким образом мы сможем приступить к этой важнейшей вещи — примирению народов. Прежде чем мы помиримся с теми, с кем мы поссорились, и, может быть, с теми, с кем мы поссоримся еще в будущем, нам нужно иметь что предъявить. Нам нужно самим ценить то, что мы имеем, самим гордиться этим. И тогда наша заявка на мир, на то, чтобы протянуть руку тем, с кем у нас сейчас не очень хорошие отношения, мы действительно должны быть сильно сложнее, немножко сознательнее в культурном отношении, немножко интереснее. Это, пожалуй, то, что я хотел сказать.

Эдуард Бояков: Большое спасибо, Игорь. Прошу Сергея Волобуева, старшего научного сотрудника Института наследия.

Сергей Волобуев: Спасибо.

(Технические моменты)

Уважаемые коллеги, я буду говорить о проблематике культурной политики и мягкой силы с акцентом на то, что мы одновременно живем в двух ситуациях. Первый момент — мы живем в эпоху формирования цифровых платформ и в период цифровой трансформации. Это очень важно и с точки зрения культурной политики, и с точки зрения мягкой силы.

Второй момент. Хотелось бы подчеркнуть уже прозвучавший сегодня ооноцентричный порядок, человечность, гуманизм. Главный дефицит нашего времени — это дефицит гуманизма, и что это означает с точки зрения российской мягкой силы. Во-первых, хотелось бы провести разграничение, что мы понимаем под мягкой силой и что понимают наши контрагенты. Дело в том, что в той или иной степени, говоря о своей мягкой силе, мы имеем в виду продвижение светлых, позитивных идей и идеалов. Наши же контрагенты понимают под мягкой силой использование культуры и ее различных компонентов для обольщения и вовлечения в какие-то собственные управленческие цепочки и алгоритмы. Мы не

говорим об инструментальном использовании собственной культуры, а о продвижении ее идеалов. Это очень важный момент, и все выступающие держатся этого подхода.

Важно понимать, что понимаемая нами мягкая сила возникает в той ситуации, если мы сами создаем внутренний культурный мир, собственный культурный космос. Механизмы мягкой силы, ее влияние, ее распространение понятны, я не буду читать лекцию об этом:

- продвижение языка;
- позиционирование собственного искусства;
- очень важно продвижение философских моделей, которые мы транслируем в мир;
- образование;
- продвижение исторических нарративов, в том числе не только о себе, но и нарративов о человечестве — это очень важно;
- общественная дипломатия и гуманитарные связи.

Самое важное в мягкой силе — это ее смысловое, интеллектуальное содержание. Наверное, об этом стоит думать в первую очередь.

Как это соотносится с культурной политикой? Сегодня уже звучали определенные утверждения по поводу российской культурной политики или понимания культуры. Все-таки есть разница между доктринально утвержденным пониманием ее на наивысшем уровне и тем, что существует в практике.

К сожалению, здесь следует констатировать сильный разрыв между утверждением культуры как всеобъемлющего явления, которое включает в себя и нравственность, и искусство, и социокультурную деятельность, но и науку, и технологии, и вообще все, потому что культура — это способ бытия человека в мире, это азы. Соответственно, это требует не ведомственного, а общенационального подхода к реализации государственной культурной политики. Эти слова зафиксированы в Указе президента «Об основах государственной культурной политики».

(00:44:55)

Проблема в том, что мы так и не создали, не сформировали механизм. Я замечу, что в это пространство входит и информационное пространство, СМИ, информационная среда. Это очень важно с точки зрения того, что мы транслируем вовне. Для этого нужно определиться с собственным культурным канонам и перевести его на язык цифровой эпохи и цифрового времени. Для этого существуют определенные механизмы.

Еще раз подчеркиваю, культурный канон — это не только совокупность каких-то произведений, дат, имен или персоналий, которые мы должны знать. Хочу отметить, что культурный канон великой цивилизации включает в себя не только собственно произведенные тексты и произведения в широком смысле этого слова, но и опыт своей встречи с мыслями, текстами других культур и цивилизаций — это тоже часть нашего

культурного канона. У нас есть своя Греция, своя Индия, свой Китай, своя Персия. Это важно. Это наш опыт встречи, мы его транслируем — так завязывается диалог, формируется среда.

Самое главное, что мы живем в революционную эпоху, когда меняются механизмы трансляции культуры. Но при этом мы понимаем, что существует архетипическая структура культуры. Она начинается с библиотеки как института памяти в широком смысле слова, и формирования общенациональной цифровой библиотеки, которая объединила бы все фонды: не только книжные, но аудио- и видеобиблиотеки. Я не говорю, что это должно быть одно ведомство и один интерфейс, понятный и доступный. К сожалению, эта задача до сих пор не решена у нас, в отличие от многих наших стратегических конкурентов, которые в этом смысле значительно продвинутое.

С этим же связана единая энциклопедия как пространство верифицированного знания. Долгие годы у нас говорят о необходимости отказа от Википедии и о создании собственной Википедии». Мы сейчас, насколько я знаю, четыре или пять своих Википедий создаем путем копирования исходной Википедии. При этом была закрыта Национальная электронная энциклопедия на базе российской. В прошлом году это учреждение было обанкрочено и упразднено.

Это требует поисковой системы. Эта экосистема должна быть отделена от рыночных рекомендательных механизмов. Там не должны зарабатывать деньги. Там должны продвигаться знания и смыслы. А если рекомендательные механизмы там должны существовать, то только те, которые работают по принципу высокой планки, то есть по принципу подъема человека, его культурного уровня, рекомендаций, постепенного введения его в более и более высокие уровни культуры.

Интегратором системы мог бы выступить суверенный искусственный интеллект, потому что не существует искусственного интеллекта, тем более его серьезных собственных моделей собственных без собственной цифровой библиотеки. И эта инфраструктура является закономерным новым этапом развития этого. Если этого нет, то искусственный интеллект будет питаться чатиками и СМИ, и будет глупеньким, как большинство чатиков и СМИ.

Те идеи, которые мы могли бы продвигать сейчас с точки зрения российской мягкой силы, это все-таки, несмотря ни на что, донкихотская попытка, и она тоже имеет смысл. В 2028 году будет 80 лет принятия Всеобщей декларации прав человека, которая сегодня звучит весьма традиционным и традиционалистским документом, я бы так сказал, и одновременно соответствует чаяниям большинства живущих людей.

Мы могли бы предложить некие нарративы, идеи, которые связаны с тем, что человечеству нужно вернуть общую большую историю, и только вместе с ней вернется общая перспектива. Принципами того гуманизма, который вытекает из российского видения, являются принципы, которые забыты в современном мире, попораны — это единство происхождения человечества, общий исток. Здесь мы говорим, что и мифология, и религия,

и наука в целом едины в понимании единства человеческой природы. То, о чем вы нам читали стихотворение, и то, что написано на стенах учреждения, которое должно было бы быть балансиrom.

(00:50:02)

Единство человеческой природы, единство исторической судьбы — это принцип, созвучный китайскому нарративу сообщества единой судьбы, но рассматривает его в динамике, во времени, не в синхронии, а в диахронии. И иные принципы, которые могли бы быть предметом диалога. Есть повод, и российским интеллектуалам, деятелям культуры неплохо было бы в это включиться.

Поскольку мы готовились про Украину, очень важно рассматривать Украину не как отдельный случай, а как часть общей нашей интеллектуальной и мягкой стратегии. Очень важно держаться исходного и базового принципа о денацификации, но его можно генерализировать. Те принципы, которые мы только что сейчас обсуждали, они созвучны идеям осевого времени философии Карла Ясперса, который, в свою очередь, в 1940-х годах внес огромный вклад в реальную денацификацию Германии.

Понятно, что мы имеем в виду под денацификацией, какие принципы мы возвращаем туда, что мы предлагаем взамен. Наверное, это принципы осевого понимания человека, принципы гуманизма, и надо не стесняться говорить об этом. В противном случае, что мы понимаем под этим? Спасибо большое за предоставленное время и прошу прощения за две минуты избыточно.

Эдуард Бояков: Иван Карпушкин, технокультуролог, сооснователь клуба «Наследие XXI».

Иван Карпушкин: Друзья, спасибо большое за полный зал. Во-первых, тема не экономическая, но на экономическом форуме полный зал на теме культурной политики — это вдохновляет. Я хотел бы высказать свой взгляд на тему, свои тезисы, чтобы было что дальше мне обсуждать.

Первое. Я согласен, что мягкая сила понимается нами не совсем так, как ее понимают те, кто формировал этот концепт. Она неправильно переведена на русский язык. Оба слова неправильно переведены на русский язык, и с этим связано большинство ошибок, которые мы совершаем, пытаюсь эту мягкую силу воспроизводить. Она не мягкая. Soft переведено неправильно, «сила» тоже переведена неправильно.

Я бы переводил это чуть-чуть иначе. Я бы переводил слово soft в другом значении — оно переводится как «сладкое» или «сладостное», «желаемое». И power я бы переводил как «подчинение». Если мы переведем это как «сладостное подчинение», в этом концепте совершенно другое раскрывается, другая палитра смыслов. Это то подчинение, которого я желаю. Я хочу подчиниться тому, что на меня воздействует.

А дальше вопрос: что воздействует? Мы называем слово «культура» или «культурная политика», подразумевая, что мы формируем некое воздействие, которому другие хотят подчиниться, и это и есть мягкая сила.

А может ли быть одна такая сила в мире для того, чтобы все ей подчинились? Наверное, нет. Все-таки это палитра каких-то смыслов, поле смыслов, в котором люди начинают как-то ориентироваться и, ориентируясь в этом поле смыслов, принимают для себя решение: хочу я в этом поле находиться, питаться с него, расти на нем или не хочу.

Если мы перейдем в ту метафору, из которой возникло слово «культура» в русском языке («культура» — это сельскохозяйственная метафора, это возделывание земли, это сельское хозяйство), то мы можем как раз в этой метафоре и покрутиться. Есть поля. Есть поле, которое цветет, полноцветный, полнотравный луг. А есть поле, на котором высеяна кукуруза стройными рядами, огороженное колючей проволокой, и собаки бегают. Есть третье поле, на котором пустыня и ничего не цветет. Какое поле выберете вы? Вопрос. Мне кажется, ответ очевиден.

Следующий тезис. Можем ли мы сказать, что какие-то плохие дядьки в мире не дают нам нашу мягкую силу куда-то двигать? Да нет. Поле не может быть пустым. Поле в любом случае будет засеяно. Если мы на свое поле смыслов не вышли, если мы своей мягкой силой не предъявили, конечно же, там будет другая мягкая сила, там будут другие цветы расти, другие культуры будут засеиваться и другие плоды будут с этих культур собираться другими людьми.

(00:55:17)

Отрадно, что этот разговор идет на экономическом форуме. Почему? Потому что экономика в своей базе является отражением культуры. И через то, как реализуется культурная политика у нации или у народа, можно понять, какая у него экономика. Если культурной политики нет, это означает, что нет своей экономики. Это просто отражение. Это то, что мы с вами сейчас наблюдаем. Наша культурная политика кому-то не нравится, кому-то нравится. Но я напомню, что мы все здесь сидим не одетые в одинаковые национальные костюмы, а одетые по европейской моде, которую клянем. Если у нас нет своей культурной политики, нет своей экономики, мы это поле смыслов формировать и не можем.

Если мы являемся частью глобальной экономики — а мы являемся и признаем это, и всячески это продвигаем как базу своего развития, считая ВВП, участвуя во всех международных метриках и так далее, — то у нас никакой другой культурной политики, кроме как подчиненной этой экономике, быть не может. Если мы говорим про то, что мы государство-цивилизация, что мы самобытны, что у нас есть своя политика, это означает, что мы и в экономике должны быть самобытны. Мы должны по-другому мыслить рынки, если концепт рынка в этом случае применим. Мы по-другому должны мыслить потребителя, если термин «потребитель» в этом концепте употребим.

Здесь можно вспомнить прекрасного, на мой взгляд, в душе где-то русского Фромма с его «иметь или быть». Растяжка между «иметь» или «быть» — это же и есть растяжка между, условно, нашей культурной политикой и не нашей культурной политикой, нашей экономикой и не нашей экономикой. Если мы в экономике концепт «быть» не воспроизводим, то как мы в культуре можем про бытие говорить и говорить про то, что наша мягкая сила каким-то образом будет с этой точки зрения привлекательна?

С точки зрения донкихотства. На мой взгляд, это мое сугубо личное мнение как инженера, никакого другого пути, кроме как донкихотства, у нас и быть не может. Никакой другой культурной политики, кроме как донкихотства, у страны, занимающей 1/7 часть мира, у страны, которая никакого рационального смысла в себе не несет вообще, то есть она антирациональна по своей природе — и якуты, упомянутые выше, антирациональны по своей природе, если бы они были рациональны, они бы не выжили как нация, их бы не существовало; территория наша антирациональна, она непригодна для жизни на 3/4, — никакого другого смысла, кроме как придумать себе цель, чтобы к ней идти всю жизнь и никогда до нее не дойти, у нашей страны, у нашего народа, у нашей культуры быть не может. Поэтому донкихотство — это наше все.

Я это называю «запредельное мышление». И это запредельное мышление, на мой взгляд, — это основа нашей культурной политики, это то, что вовлекает. Из этого родился космос, из этого, если вспомните, родился атом, из этого родилась вся наука XX и XXI века — из запредельного мышления наших предшественников, носителей нашей культуры или, как его сейчас называют, культурного кода.

Я бы эти тезисы вбросил в общее обсуждение, а дальше давайте попробуем из этого как-то выбирать. Спасибо.

Эдуард Бояков: Спасибо, дорогой Иван. Если вы позволите, я тоже свои восемь минут использую, пытаюсь, с одной стороны, сказать что-то от себя, с другой стороны, как модератору есть смысл обратить внимание аудитории еще раз на какие-то важные тезисы, которые прозвучали. Это субъективный конспект нашего разговора, но, тем не менее, я себе его позволю сделать.

(01:00:14)

Мне кажется, мы все можем зафиксировать несколько раз прозвучавшую мысль о том, что никакой мягкой силы не нужно, никакая мягкая сила не работает. Были примеры, и Сергей, и Каринэ говорили о том, что люди говорят на этих языках, они находятся в едином культурном поле, но при этом никто не ставил такой задачи. Я сейчас не собираюсь устраивать обширную дискуссию с этим тезисом, но, тем не менее, чувствую необходимость просто зафиксировать совершенно другое мнение.

Мне кажется, если никто не навязывал эти картины жителям прибалтийских республик, то это не значит, что мягкая сила не работала. Мне кажется, сегодня действительно мы находимся во фрустрированном состоянии и так устали от неудач на этом поприще. Мы так

закомплексованы своей колониальной зависимостью от результатов очень эффективной мягкой силы. Мы находимся в пространстве мягкой силы. И то, что Иван говорит об одежде, посмотрите в свои плейлисты в Яндекс.Музыке, посмотрите во все рейтинги.

Войдите, пожалуйста, дорогие коллеги, в наш суверенный русский Яндекс, нажмите нашу русскую суверенную Яндекс.Музыку и посмотрите, что слушают люди в нашем суверенном мире. Там нет русской музыки либо по языку, либо по мелодическому коду. Даже если какой-нибудь рэпер поет что-то на русском языке, какие-нибудь матерные частушки, это совсем не значит, что он имеет отношение к русскому культурному коду. Он воспроизводит другой код, существующий.

Мягкая сила на то и мягкая, чтобы работать очень эффективно, очень умно. Я сидел, слушал вас, дорогие коллеги, и не могу вспомнить примеров какой-то голимой американской пропаганды на государственном уровне, но я легко вспомнил два примера из мира искусства, пока я слушал моих глубокоуважаемых коллег.

В конце первой — начале второй половины XX века возникают новые течения в визуальном искусстве. Абстракционизм рождается в середине века, сразу после войны. Эти картины начинают продаваться за миллионы долларов. Кто самый известный абстракционист, во всяком случае, один из самых известных? Джаспер Джонс, американец. Посмотрите в поисковой системе, в Википедии смотрите, не смотрите русские поисковые системы, их не существует — это голимый распил денег и полная неудача.

Самая известная картина Джаспера Джонса — это американский флаг, нарисованный в живописной технике. То же самое Энди Уорхол. Одно из самых известных произведений — это долларовые купюры. Они продаются. Понятно, что за этим идет политехнология, но создается видимость рынка, видимость того, что мы голосуем, видимость того, что мы покупаем эти футболки с уорхоловским произведением, мы покупаем. Сколько продано в мире бейсболок с надписью Big Apple, New York? Сколько? Это же с ума можно сойти.

Отменить мягкую силу мы не можем. В этом отношении хотелось бы поспорить с моими уважаемыми коллегами.

Конечно, привлекательность образов. Мне очень близки первые слова, которые произнес Сергей. Широкое понятие. Это не культура в смысле каких-то жанров: балет или даже библиотека. Нет, культура — это широкое понимание способа жизни на этой территории.

(01:05:00)

Как мы относимся к семье, как мы относимся к богу, как мы относимся к демографии, в том числе к абортам, о которых на самом высоком уровне Валентина Матвиенко заявляет, что не надо с ними бороться, нужно их разрешать, это и есть культурная политика, это и есть мягкая сила. А прикрываться какими-то общими понятиями о гуманизме, об общей истории — это очень чревато. Потому что за этим нет того, что цепляет людей. Людей цепляют настоящие примеры.

Кстати, мы сейчас видим это на уровне иранской пропаганды. То, как они работают. То, какие слова они используют. Я с огромным восхищением читаю официальный иранский канал. Еще раз подчеркиваю, официальное иранское агентство. Я не поэт как Игорь, но я думаю, что он со мной тоже согласится в том, что действительно есть семиотика, есть искусство, есть красота в этих очень резких, очень жестких заявлениях. Когда читаешь трамповский мат в социальной сети и когда читаешь иранский ответ на этот мат, понимаешь: «Да, действительно, этой цивилизации 2.5 тысячи лет».

Как они пишут: «Когда ваши предки ходили в лесах, мы уже учили человечество образам красоты. А вы хотите нас в каменный век вогнать». Здесь есть достоинство, есть красота и есть понимание суверенной цивилизации. Тогда наша мягкая сила будет эффективна. А сейчас нужно очень серьезно думать о том, как будет моделироваться этот процесс, как его проектировать.

Те несколько секунд, которые мне остались, я использую на то, чтобы сказать для меня очевидную мысль — только государство. Культура — это иерархия. Культура не может быть горизонтальной. Горизонтальным может быть поле. Культура — это всегда рост вверх. Без иерархизации этих процессов ограничиваться только... Уважаемый Сергей описал необходимость общих библиотек, которые нужны для создания нашей суверенной картины мира. Но помимо библиотек нужны институты репутации.

Их у нас нет, у нас нет времени, чтобы об этом говорить, но они у нас не существуют. Мы ориентируемся на западную архитектурную премию, мы ориентируемся на американскую кинонаграду Американской киноакадемии, мы ориентируемся на западные фестивали и так далее. Только создавая свои институты репутации, мы сможем развиваться и сможем выжить. Я перехожу к вопросам.

Каринэ Геворгян: Можно очень коротко проиллюстрировать иранское изящество?

Эдуард Бояков: Конечно, можно.

Каринэ Геворгян: Иранские ракетчики ответили на матерные оскорбления Трампа, отправив послание на ракете: «В Белом доме статус ублюдка — это не оскорбление, а необходимое требование квалификации».

Игорь Караулов: Дополню, что только что Трамп пообещал уничтожить всю иранскую цивилизацию прямым текстом.

Эдуард Бояков: У нас есть вопросы. Если есть вопросы в аудитории, пожалуйста, поднимайте руки, представляйтесь, и я с радостью предоставлю слово. Еще у нас есть вопросы от наших уважаемых слушателей в сети. Пожалуйста, давайте начнем с офлайна. Прошу вас.

(Неразборчиво) (01:09:26-01:10:15)

(Технические моменты)

(01:10:31)

Вопрос из зала: Мне кажется, что когда речь идет о мягкой силе, самый мощный и самый сильный инструмент — это воспитание нового поколения. Это не просто какой-то пафосный тезис. Я действительно занимаюсь этим очень много лет.

Вопрос. Кажется ли вам, что работа с детьми и обращение детей к высокому искусству и к высоким образцам в данном случае хорового искусства может подвинуть как-то ситуацию? Если предложить странам, которые смотрят на нас немножко не по-соседски, такой вид диалога через искусство, в данном случае через хоровое искусство, будет это работать или нет?

Эдуард Бояков: Спасибо. Это очень серьезная тема. У нас всего 20 минут до окончания нашего разговора, и совсем нет времени для того, чтобы это обсудить. Я могу сказать только одной репликой. Иван говорит о том, что это не диалог, а подчинение. Я совершенно согласен. Если художник начнет бесконечно обсуждать со своим зрителем, как должна выглядеть его картина или его музыка, это будет катастрофа.

Культура — это трансляция, и трансляция всегда сверху. Поэтому надо говорить не о диалоге, а о воздействии. Американцы воздействовали на нас. Голливуд воздействовал на нас. Итальянцы своей оперой воздействовали на нас. Бах и протестантская музыкальная культура воздействовали на нас. Они с нами не советовались, а мы подчинились и теперь их любим. Александр хочет сказать об этом.

Александр фон Бисмарк: Я бы хотел сказать только одну фразу молодым людям. Культура и мягкая сила — это очень легко. Не нужны никакие слова. Ты видишь символ: белый, синий, красный. Ты видишь, я — друг России. И слова не нужны.

Эдуард Бояков: Спасибо, дорогой Александр. Коллеги, я буду по очереди. Я вижу поднятые руки в зале, но у нас есть вопросы из сети. Каринэ, Иван спрашивает вас, ссылается на ваши знания о Востоке и просит вашего мнения о том, чей опыт мягкой силы для вас наиболее значителен.

Каринэ Геворгян: Я упомянула большевистский опыт, 1920-е годы, русский авангард был невероятно моден во всем, включая работы отечественных модельеров. Не надо посыпать голову пеплом. Как женщина я больше этим интересуюсь и могу сказать, что некоторые наши модные дома, потрясающие совершенно дизайнеры явно выходят вперед.

Второе, что мне хотелось бы сказать. Мы все были молоды, и неважно, мы могли слушать любую музыку — это нормально. Закрывать мир для нас бесполезно совершенно. Человеку нужен запретный плод. Вопрос в другом. Как мы адаптируем это к собственной цивилизации и к собственной культурной ткани? Потому что наша культурная ткань вся пронизана кросс-аллюзиями, связанными с мировой философией, культурой и так далее. Этот опыт.

Я могу сказать, что прекрасно адаптируют достижения и культурные, и в искусстве именно иранцы. Блистательный пример совершенно, и мы сейчас это видим. Не говоря уже о том, что они сами содержательны. Они станут модными. Они на фоне этой войны уже становятся модными.

И еще одна деталь. Мне очень хотелось бы это сказать. Удивительно, никогда не думала, что буду так хвалить Советский Союз. В Советском Союзе были творческие мастерские художников, искусствоведов и так далее. Там кипела жизнь, кипела мысль, рождались творческие замыслы. У нас на сегодняшний день даже толком площадок нет, где бы творческие люди самых разных профессий, включая ученых, могли бы в одном месте встречаться, разговаривать друг с другом, обмениваться впечатлениями об эпохе, о своих ощущениях.

(01:15:39)

Я вас уверяю, что все художники были так или иначе связаны, например, в 1960-е годы с космосом. Они все ходили по мастерским, сам Леонов был художником. Без этого ничего не будет.

Второе. Я знаю, как этим занимаются бюрократы. Нельзя мягкую силу отдавать бюрократам, чиновникам нельзя ни в коем случае. Могу сказать, что то, о чем бы они договаривались год и ездили бы за государственные деньги в командировки, я договорилась за два часа веселой и интересной беседы в Брюсселе напротив Европарламента с человеком, с которым ничего такого не было. Но выяснилось, что его хобби — кино, и он упомянул фамилию Дзиги Вертова. Я его спросила: «А вот эти работы вы видели?», — не Дзиги Вертова, дала ему имя. Он мне говорит: «Нет». Я говорю: «Давайте мы с вами сделаем фестиваль вот такого русского кино». И он сказал: «Я сделаю. У меня есть два зала в Бельгии и во Франции».

Я приезжаю и чиновникам это говорю — у них челюсть вот так отпала. Понимаете, походя. Это не делается вот так: «А давайте мы предложим». Если бы мы предложили их Министерству культуры, нас бы сейчас послали в пешее эротическое путешествие. Я понятно говорю? Вот как это делается. Это делается, когда идет от сердца к сердцу, глаза в глаза. Когда людям интересно, они все сделают — и в Европе сделают, и в Штатах сделают.

В конце концов, мы ведь тиражируем в основном, извините, суррогаты и жвачку. Нам очень трудно отцедить в западных странах, в Европе и в Америке, подлинные шедевры, которые тоже там создаются.

Эдуард Бояков: Спасибо. Прошу моих коллег коротко ответить на вопросы, которые поступают. Сергей Мардан, у вас есть подписчики, в том числе из Украины. «Меняется ли настроение людей со временем?», — спрашивает Дмитрий. А Владимир спрашивает у Сергея Мардана: «Когда уберут из сетки телевидения бандитские фильмы, бездарные телемультифильмы и прочие “Три аккорда” и “Маски-шоу”?».

Сергей Мардан: По украинской аудитории все очень просто. Если брать YouTube, где понятная статистика, до войны было до 20%, сейчас, по-моему, около 3-5%. Хотя у меня там не очень большой канал, и цифра, говорящая сама за себя. Украинцев я за границей встречал пару раз политических. Придется еще маленечко повоевать для того, чтобы они пришли в чувство.

Я понимаю, что в этом вопросе мы должны мириться, как же это все исправится. Да нормально все исправится. Так же, как между сербами и хорватами. До конца это не вылечится, естественно, но человек такая сволочь, что он ко всему привыкает. Спустя 15 лет война останется в воспоминаниях, но, мягко говоря, совершенно не в том формате, в котором мы себе это представляли еще в 2022 или 2023 году.

Второй вопрос. Когда исчезнут фильмы про бандитов? Никогда. Я обожаю фильмы про гангстеров. Чего это они должны исчезать-то?

Эдуард Бояков: Игорь Караулов, вот такой вопрос поступил к вам. «Кажется, что МЭФ похож на ваши стихи», — говорит Дмитрий. — «Здесь говорят правильные вещи, но власть пока к ним не прислушивается. Будет ли у вас посвящено хоть одно произведение форуму?».

Игорь Караулов: Я не думаю, что форумы — это то, чему надо посвящать стихи. Если бы я встретил на форуме какую-нибудь милую девушку и влюбился, я бы мог, конечно, посвятить стихи и форуму в том числе, но я не думаю, что это произойдет.

(01:20:11)

То, что форум похож на мои стихи, наверное, это хорошо, потому что я хотел бы, чтобы стихи были похожи на людей. А людей здесь много, и люди здесь и умные, и талантливые, и достойные. Поэтому я надеюсь, что мы как-то решим с увязкой стихов, экономической мысли и всей нашей российской жизни.

Эдуард Бояков: Читайте стихи Игоря Караулова, я искренне их рекомендую. Это блестящий большой поэт. Они не продаются на форуме, нельзя купить книги? Нет. Приходите в театр на Малой Ордынке. Мы с Игорем сейчас начинаем большой просветительский проект. Там будет настоящая крутая книжная лавка, и там будут обязательно стихи Караулова. Это я вам обещаю.

Вопрос к Сергею Волобуеву: «Как измерить эффективность культурной политики? Какие критерии?».

Сергей Волобуев: Спасибо. Хороший вопрос. Критерии эти конструируются, это вообще не проблема, потому что есть правильно продуманная система целей государственной культурной политики. Порядка 10 целей — это гармоничное развитие личности, повышение культурного уровня общества, единство культурного пространства, повышение роли России в мировом гуманитарном пространстве.

Эти цели заявлены, к каждой из них может быть предложено несколько индикаторов. Это делает в течение полугода-года любая научно-исследовательская группа. Методы самые широкие. Раньше этим занимались социологи достаточно эффективно, в том числе, например, исследуя социологию книгопотребления. Сейчас это делается намного эффективнее, точнее за счет аналитики больших данных.

Фактически тот инструментарий, о котором я говорил, если бы мы имели единую электронную библиотеку, фиксирующую книжный оборот, запросы. Но, тем не менее, и сейчас мы имеем возможность смотреть запросы поисковые, анализировать уровень контента, мы можем видеть правильность, неправильность речи, уровень ненормативной лексики снижается. Таких критериев много.

Самый главный критерий — это подъем культурного уровня общества, каждого человека.

Второй критерий — это степень охватов во внешнем контуре, за рубежом, нашей культуры, наших источников. Это как раз не проблема, мерить можно. Главное — привязать к хорошо задекларированным целям реальный инструментарий, чего сегодня, к сожалению, очень недостает.

Эдуард Бояков: Спасибо. Вопрос к Ивану Карпушкину. Лидия спрашивает: «Можно ли увлечь молодежь традиционной русской культурой?».

Иван Карпушкин: Не можно, а нужно. Как я говорил, поле пустым быть не может. Если мы говорим про то, что чем-то молодежь нужно увлечь, а увлечь мы можем только своим, иначе увлекать будем вовсе не мы. Поэтому поиск новой русской культуры, нового прочтения русской культуры — это ключевой вопрос этой сессии. Потому что ответа на этот вопрос нет ни у кого.

Мы с вами вокруг да около ходим, говорим про какие-то большие смыслы, метрики и прочее, но не говорим про самое главное: а про что мы, собственно, говорим. Культурная политика чего? На каком языке?

Главная метрика эффективности культурной политики — это конкурс на факультет учителя русского языка в педагогическом институте. Если учительница русского языка будет востребована везде, во всем мире — сейчас в Африке востребована учительница русского языка, просто учительниц русского языка нет в Африке, — вот, про что надо говорить.

Что такое новая русская культура — я не знаю. Я в косоворотке хожу везде, по мне это новая русская культура. Хотя бы если так пытаться актуализировать, это тоже какая-то клоунада. Я это прекрасно понимаю, что пиджак европейского покроя с косовороткой — это смешно. Но хоть что-то делаю.

(01:25:07)

Мне кажется, что здесь вопрос к каждому из нас. Способен ли ты своей харизмой, своим прочтением, своим каждодневным глубоким погружением в корневую культуру воспроизводить это в сегодняшнем актуальном действии. И из этого родится наверняка

новая русская культура. Бояков у себя в театре, во всяком случае, ее пытается воспроизводить тоже, и тоже как получается. Эдуард Владиславович, извини, как получается, но получается. И вовлекается, и привлекается.

Здесь еще вопрос в том, что мы с вами еще в одну большую область не зашли за эти 1.5 часа — это область так называемой индустрии развлечений. Что такое индустрия развлечений, которая у нас фактически сейчас смешалась с культурой и со сферой культуры, и с деятельностью в сфере культуры, это огромный вопрос. Потому что развлечение — это уничтожение. Развлечение — это когда внимание распыляется, уходит в энтропию.

Нам надо перестать воспринимать культуру как развлечение, перестать молиться на это развлечение, которое равно потреблению неограниченному. На этом построена огромная экономика, которой мы подчинились. Перейти во что-то другое в русском языке, поиграть с русским языком. Есть вовлечение, есть увлечение, есть другие формы того же на слух воспринимаемого действия, но совершенно с другим смыслом.

Вовлечение — это уже про созидание, это уже про то, куда мы идем. Мы понимаем, куда мы идем. Мы не просто пытаемся внимание растворить, а пытаемся его направить на какое-то созидательное действие. Про это и в эту сторону я бы, во всяком случае, думал. Надеюсь, я ответил.

Эдуард Бояков: Может быть, еще один-два вопроса, коллеги. Пожалуйста, девушка.

(Технические моменты)

ИА Business Code: Информационное агентство Business Code, Москва. Вопрос направляется Каринэ Геворгян. Каринэ Александровна, к вам, потому что речь идет о вашей специализации, регион Южного Кавказа, очень злободневно на сегодняшний день в свете недавней встречи президента России Владимира Путина и премьер-министра Армении Пашиняна.

Как вы считаете, возможно ли применение политики мягкой силы в восстановлении, мы бы сказали, исторически сложившихся добрососедских, теплых, дружественных отношений между Арменией и Россией? Возможно ли? Что можно с этим сделать? Поскольку сейчас оставляют желать лучшего эти отношения. Спасибо.

Каринэ Геворгян: Я отвечу вам цитатой из Фазиля Искандера, когда Акоп-ага говорит: «Сейчас все можно». На самом деле все возможно. Но я хочу сказать, здесь принципиально другой вопрос, который в Армении, как мне известно, не ставится. Армения 200 лет существует, и модернизировалось сознание общества в рамках русской цивилизации.

Сейчас она хочет откочевать в какую-то мне пока неизвестную цивилизацию, потому что Америка — это не отдельная цивилизация, — в англосаксонскую или в европейскую. Потери будут колоссальные. На 100 лет отстанет и уже не сможет адаптироваться к современности. Я имею в виду конкретно общество, которое живет в Армении. Потому что

оно и так вписано было в русскую цивилизацию, и эта двойственность сознания порождает так называемую «дистинкцию», то есть шизофрению.

Так что это вопрос личного участия или настроения армянского общества, на которое я лично никак не влияю и стараюсь не давать советов, потому что меня никто о них и не спрашивает.

Что же касается России, то Россия не рассматривала Армению как вопрос о сфере своей безопасности. В связи с этим вся политика провалена в этом плане. Все.

(01:30:01)

Что же касается человеческих контактов, на них только одна надежда. Кроме всего прочего, на талантливых людей. Это опасная штука, двойная лояльность, чтобы ее тоже не было. Здесь и возникает проблема, которая в результате может привести к подозрительному отношению к армянам в России и к подозрительному отношению к русским в Армении. Вот и все. Я в этих обстоятельствах, к сожалению, на это довольно мрачно смотрю.

Я считаю, что каждый должен делать свой выбор. Если бы, кроме всего прочего, были бы яркие, убедительно говорящие, талантливые люди, которые могли бы эту тему развивать, я считаю, необходимо возвращаться в русскую цивилизацию и созидать ее вместе со всем остальным огромным количеством этносов, в том числе в России проживающих. Я это имею в виду.

Зачем отставать? Вопрос к армянскому обществу. Они поставили американский университет — он уже, я знаю, не очень популярен. А Российско-Армянский популярен. Вот вам, пожалуйста, мягкая сила, она работает. Там множество нюансов такого рода. А какой выбор, и как это произойдет, и как политика на это будет влиять, откуда я знаю? Спасибо.

Эдуард Бояков: Коллеги, у нас последняя реплика. Мы заканчиваем нашу сессию. Я попрошу сказать Нану Юлиану. Есть вопрос, есть реплика. Это декан Индонезийского университета и экс-посол Индонезии на Кубе. Я думаю, что это две страны, которые могут быть нам очень интересны в ракурсе нашей темы.

Нана Юлиана: Большое спасибо, модератор, за то, что дали мне возможность поделиться моими взглядами о мягкой силе. Мягкая сила — это часть дипломатии. Когда вы смотрите на визиты Путина в Индию, это тоже часть мягкой силы, поскольку присутствие России в Азии, в Индонезии должно быть усилено. Если США провалится, то Россия будет рассматривать Азию как региональную организацию, с которой она связывается, в том числе Индонезию.

Я вижу три этапа для привлечения южноазиатских стран. Первый этап — после распада СССР, когда приступили к формализации этих отношений.

Второй этап — это начало приведения в порядок и установления партнерских отношений с ASEAN, с образованием партнерства Россия — ASEAN. Был подписан «Договор дружбы» между ASEAN и Россией. В 2020-х годах этого века уже стали приступать к более детальному

рассмотрению. Здесь необходима мягкая сила. Как вы инвестируете в умы молодых людей, как вы инвестируете в те ценности и сильные стороны, которыми располагает Россия. Иначе это противоположно неубедительной ненавязчивой силе.

Необходимо установить коннективность между людьми — это стратегическая внешняя политика. Ее нужно воплотить в политику международных отношений. Как нести хороший образ, как привлечь к себе, как получить поддержку народов в странах ASEAN и Индонезии в направлении России? Это структурный подход. Этим нужно и по вертикали заниматься, требуется и внешняя политика, но это также и действия на горизонтальном уровне, означающие связи «от народа к народу» между простыми людьми.

Вы можете обмениваться фильмами, переводить российскую литературу, переводить материалы аналитических центров на языки народов Азии, с тем чтобы люди в Азии понимали те ценности, которыми руководствуется Россия, и какие у России сильные стороны. Это поможет лучше понимать русскую политику. Переводы — это обязательно. Мы сейчас наблюдаем западное доминирование в университетах.

(01:35:32)

Второе — вы должны обеспечить российское присутствие в Азии. Российские ученые должны выезжать в Азию, а индонезийские ученые, знающие Индонезию и ASEAN, должны приезжать в Россию.

И последнее, это все вместе должно сопрягаться с внешней политикой России в Азии. Благодарю вас.

Эдуард Бояков: Дорогие друзья, я благодарю от всей души Московский экономический форум за эту тему. Из года в год Форум не теряет фокуса на разговоре о цивилизационных аспектах нашей жизни, не замыкается исключительно в аналитической экономической повестке. Мне кажется, это очень хорошо.

Спасибо, дорогие участники дискуссии. Благодарю всех. Я думаю, что у нас есть возможность продолжить общение в кулуарах. Спасибо.

(Технические моменты) (01:36:45-01:38:23)

(01:38:23) (Конец записи.)